

Олег Пустовой

ПУТЬ
ПРИЗЫВНИКА
повесть часть вторая

Олег Пустовой

Путь призывника. Часть вторая

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Пустовой О. М.

Путь призывника. Часть вторая / О. М. Пустовой — «ЛитРес: Самиздат», 2004

На пути следования призывника Игоря Мельниченко из Южно-Сахалинска до Владивостока и во время нахождения в распределительном экипаже Тихоокеанского флота происходят различные жизненные ситуации и приключения, которые призывник старается преодолеть, делая для себя соответствующие выводы.

Содержание

Часть вторая «Путь призывника»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Часть вторая «Путь призывника»

Над крупным промышленным и областным центром Сахалина – городом Южно-Сахалинск, успевшем утомиться от повседневной дневной суеты, быстро наступали вечерние сумерки. Длинные опустевшие улицы незнакомого города внезапно осветились яркой иллюминацией. Сквозь тонкую пелену темнеющих облаков, словно через тёмно-серую вуаль, скупно пробивался матовый силуэт угасающего серпа луны. Над северным полушарием в глубине небесной сферы ярко засияла Полярная звезда, чётко вписываясь в контур появившегося созвездия Малой Медведицы. Призывник Игорь Мельниченко, одиноко шагал в сторону областного призывного пункта, находясь в размышлениях о продуктивно пролетевших последних днях гражданской жизни. Медленным, но уверенным шагом, он стремительно приближался к массивным железным воротам. Это был контрольно-пропускной пункт Сахалинского областного сборного пункта. Для Игоря это был пропускной пункт в иную, ещё неизведанную, таинственную жизнь, начинавшуюся уже сразу за высоким кирпичным забором. Подойдя ближе к воротам, Игорь увидел там узкий проход, упирившийся в металлический турникет метровой высоты, чем-то напугившую его сросшуюся фигуру буквы «эф». Слева от турникета светились тусклым светом маленькие неказистые окошечки небольшого помещения. У открытой двери помещения стоял солдат в полевой форме с красной повязкой на левой руке, где слабо проявлялась надпись «Пом. деж. по КПП». Возле помещения шебуршились двое в штатском, в одном из которых Игорь узнал Колю Паршина. «О, этого уже захомутали», – внезапно проскользнула в голове прибывшего призывника ехидная мысль. Турникет был на запоре и Мельниченко обратился через проём приоткрытого окошка к толстому неуклюжему прапорщику, сонно сидевшему на деревянном топчане возле исцарапанной тумбочки:

– Товарищ прапорщик, здоровья желаю! Разрешите обратиться!?

– Ты смотри, какой шустрый нашёлся!? – удивился невозмутимый прапорщик, поправляя помятое лицо с выпученными мелкими глазами и, глядя на Игоря, коротко рявкнул: – Давай, обращайся! Чё, там у тебя стряслось?!

– Я, товарищ прапорщик, призывник Мельниченко, отставший от невеликой группы. Вот мои документы. Дело в том, что я только прибыл на автобусе, – стал объяснять ситуацию Игорь, изучая обстановку, царившую на КПП.

Прапорщик внимательно изучил документы прибывшего призывника и, особо не напрягаясь, медленно потянул на себя металлический прут. Буква «ЭФ» легонько провернулась в сторону сборного пункта. Правильно поняв жест прапорщика, Игорь протиснулся в проход и, подталкивая коленкой турникет, уверенно прошёл за КПП а, пока прапорщик инструктировал своего помощника, он успел пожать руку Паршину и перекинуться с ним парой фраз.

Прапорщик не заставил себя долго ждать и, выйдя из «дежурки», приказал Игорю следовать за ним. Пройдя немного вглубь территории по слабо освещённой дорожке, они оказались на небольшом плацу, где стояло прямоугольное кирпичное здание. Подойдя к зданию, прапорщик тут же вошёл в приоткрытую дверь, увлекая за собой запоздавшего призывника. Сделав несколько шагов прямо по коридору, они вошли в дверь с надписью «Дежурный по части».

– Тащ, майор, вот ещё один из невеликих прибыл, – просто и бесцеремонно обратился прапорщик к сидевшему за большим квадратным столом офицеру в полевой форме, туго затянутой кожаной портупеей.

«Как одену портупею, всё тупею и тупею», – тут же вспомнилась Игорю услышанная когда-то поговорка, всплывшая в памяти от увиденной обстановки. Стол дежурного был густо заставлен кучами бумаг, папок и несколькими телефонными аппаратами. Майор сидел, откинувшись на спинку стула, закинув ногу на ногу, и почитывал газету «Красная Звезда». Услышав обращение к своей персоне, он лениво приподнял брови и окинул вошедших пустым беззаботным взглядом. Нехотя оторвавшись от газеты, он кивком головы показал в сторону призывника и приказал прапорщику спокойным флегматичным тенором:

– Панкратов, гусь ты этакий, разберись ка сам, а? Всё оформи по всей форме, ага.

Превратив в шутку и закончив в рифму свой приказ, майор снова увлёкся чтением газеты.

«Так вот, откуда такая бесцеремонность, – подумал удивлённо Мельниченко, – оказывается, майор не совсем дружит с уставной жизнью, вот и ведёт себя прапор с ним по-панибратски». В это время прапорщик поманил Игоря пальцем и скрылся в пустующей комнатке, оставив за собой открытую настежь дверь. Призывник принял знак во внимание и пошёл вслед за прапорщиком. Это была комната отдыха дежурного по части. Она находилась в одном помещении с помещением дежурного, но их разделял тонкий простенок с застеклённой рифлёным бронированным стеклом дверью. В комнате стоял двухстворчатый полированный шкаф, тёмно-коричневого цвета, обыкновенная фанерная тумбочка, выкрашенная в яркий салатный цвет, стул с лощёным фанерным сидением и металлическая панцирная койка, заправленная серым суконным одеялом поверх подушки. Не церемонясь, прапорщик плюхнулся в койку и приказал призывнику вываливать всё содержимое чемоданчика рядом с ним. Мельниченко правильно понял приказание начальника, выполнив его в точности, как и было велено. Взглянув на образовавшуюся кучку добра, прапорщик тихонько присвистнул и с ухмылкой на лице спросил:

– Ты чё, зелень карапузатая, на курорт собрался? Зачем столько барахла прихватил, а?

– Товарищ, прапорщик, ведь на службе всё сгодится, я так думаю, – ответил Мельниченко, подражая артисту Мкртчяну, и с интересом взглянул на Панкратава.

– Он, видите ли, ещё и думает, – Панкратов, ехидно улыбнулся и со знанием дела закончил свою мысль. – Тебе, дорогуша, теперича незачем думать, за тебя государство думает. Повестку-то читал? То-то, понимать надо.

– Так, ведь, для дела всё, – пытался как-то оправдаться Мельниченко.

– Какого такого дела? Отставить разговорчики! В повестке как сказано? А в повестке сказано: «Иметь при себе туалетные принадлежности, комплект белья, кружку и ложку». А ты, зелень карапузатая, чего набрал, а? Короче, боец, вопросы есть? – прапорщик выждал паузу и, не дождавшись ответа, стал властно перебирать скарб призывника.

Всё происходило, словно в кинофильме «Свадьба в Малиновке», когда Попандопуло делил трофейные вещи. Панкратов, как и Попандопуло, запустил руку в кучку чужих вещей и стал делить их на две кучки. В первую очередь он взял два флакона одеколона «Саша». «Это мне» – вспомнился Игорю монолог Попандопуло. Затем прапорщик отобрал большие ножницы, пригодные для подстрижки, и баллончик с лаком для покрытия обуви. «Это снова мне» – продолжал Игорь мысленно стебаться над действиями прапорщика. Тем временем, в отобранной Панкратовым кучке появился складной рыбацкий ножик, наборчик иголок для шитья и пачка технических лезвий «Нева». «Это опять мне» – всё так же продолжал ухмыляться Мельниченко. Вдруг прапорщик открыл оба тюбика зубной пасты «Коллинос», понюхал их, немного выдавил и снова понюхал, затем плотно завинтил пробки и отложил в сторону. Так начала образовываться новая кучка, а Игорь тут же подумал: «Ну, это уже тебе Мельниченко». Прапорщик, тем временем, перебрал комплект белья, растянул вафельное полотенце, перелистал веером пару общих тетрадей: одну чистую, а вторую с черновыми набросками стихов.

– Твои, что ли? – заговорчески подмигнул он Игорю.

– Мои. Так сказать, проба пера. Пока только учусь.

– Ну и ну! Твои поцелуи, да. Я помню твои поцелуи... Ну, ты даёшь? Ты бы написал, что уже забываешь её поцелуи. Вот, чудак-человек.

Панкратов откинул перебранное в кучку с зубной пастой и принялся проверять содержимое коробки с красивой надписью «Электробритва «ХАРЬКОВ-30», где действительно находилась электробритва.

– Не жалко? Вещь-то дорогая. В пути пропасть может, а так мог бы домой отправить. Поражаюсь я тебе, парень, – продолжал удивляться Панкратов, придвигая бритву ближе к тетрадам.

Сгребая одним махом набор из трёх шариковых ручек, брусок банного мыла и зубную щётку, он отправил всё в кучу с тетрадами. Это было последнее, что лежало на кровати. Тогда он пошарил рукой внутри чемоданчика и достал из потайного карманчика красивую записную книжечку с картинкой цветущих красных гладиолусов на обложке. Открыл её. На тыльной стороне обложки была наклеена цветная фотография красивой блондинки.

– Никак, твоя красотка?

– Была моя, когда учился в Одессе, а теперь – кто её знает?

– Ну-ну. Так-то оно так, – не поднимая головы, пробурчал прапорщик.

Он по-быстрому перелистал весь блокнот и, не найдя в нём никакой крамолы, положил его на место и принялся поучать Игоря начальственным тоном:

– Вот, так-то, голуба! – Панкратов убрал кучку с одеколоном на тумбочку и продолжил: – Всё, что на постели – твоё, можешь складывать в чемоданчик. Всё, что на тумбочке – остаётся. Режущие, колющие предметы и жидкости, содержащие спирт, на территории сборного пункта запрещены. Усёк!

– Усёк, товарищ прапорщик!

– Не «усёк»! Надо отвечать: «Так точно, товарищ прапорщик!»

– Так точно, товарищ прапорщик! – чётко по-военному повторил Игорь, быстро реагируя на замечания Панкратова.

– Что «так точно»? – резко переспросил прапорщик.

– Так точно, усёк, товарищ прапорщик! – продолжил валять дурака Игорь.

– Ладно, хрен с тобой, дубина стоеросовая, валяй и так, – возмутился прапорщик и, поднявшись с кровати изрёк: – Теперь иди за мной, покажу тебе ночлежку.

– Так точно, товарищ прапорщик! – по серьёзному ответил Мельниченко, явно подшучивая над прапорщиком.

– Не «так точно», а есть, товарищ прапорщик! – резко возмутился Панкратов, как и ожидал Мельниченко, но ухмыляясь, добавил, глядя недобрым взглядом в сторону призывника. – Скоро всему научат, а то смотри, приходят тут всякие расхлябанные. Видите ли, на курорт оне собрались? Одеколончика-с оне накупили, лачку-с – ботиночки побрызгать. Думаешь, голуба, что служба это тебе что-то не то. Танцульки-бирюльки какие-то. Ошибаешься, милоч! Для начала, голуба, послужи как надо, а на танцульки ещё не скоро попадёшь, понял?

Мельниченко не стал больше злить прапорщика и решил лучше отмолчаться, на что Панкратов уже не реагировал. Проходя помещение дежурного по части, он подошёл к майору и тихо о чём-то справился, на что офицер молча махнул рукой, не отрываясь от газеты, типа – свободен. Прапорщик так и поступил. Он молча махнул Игорю рукой, и тот последовал за ним в тёмное пространство приоткрытой входной двери.

На территории сборного пункта уже хозяйничала тёмная ночь, пришедшая на смену серым сумеркам. Серпастая Луна, чётко видневшаяся в вечерних сумерках, спряталась за, закрывшие небо, дождевые тучи. В воздухе пахло влагой и удушливым дымком тлеющей где-то поблизости, старой ветоши. По всей территории понуро стояли электрические столбы с тускло светящимися фонарями, на свету которых игралась мелкая мошкара. Это говорило о том, что зима кончилась окончательно и весна полностью вступила в свои права.

Впереди находилось небольшое одноэтажное здание. Из трёх больших окон со стороны фасада, пробивался тусклый свет ночника синего цвета. По словам прапорщика – это была «ночлежка». Войдя вовнутрь помещения, прапорщик резко споткнулся о протянутые ноги прикорнувшего дневального и с шумом пронёсся в сторону спящих призывников, ловко цепляясь за торец верхнего яруса деревянных нар. Только благодаря их близкому расположению он остался стоять на ногах. В это время проснулся дневальный, резко подпрыгнувший от шума, упавшей рядом с ним, тумбочки. Перепугавшись, дневальный стал было поднимать упавшую тумбочку, но подоспевший к нему прапорщик врезал такого подзатыльника, что дневальный снова резко присел на пол, крепко ухватившись за голову. Поднялся он только тогда, когда прапорщик отошёл от него на безопасное расстояние.

Ночлежка представляла собой одну цельную просторную комнату с высокими потолками, раскинувшись метров десять в длину и метров восемь в ширину. Со стороны глухой стенки помещение было занято сплошными деревянными нарами, поднятыми в два яруса, где без матрацев и постельного белья, спали, прижавшись, друг к другу, словно огурцы в банке, одетые, во что попало призывники. Намаявшись за весь день, они, то похрапывали, то посапывали, то и дело, ворочаясь с боку на бок, от непривычно жёстких постелей. Прапорщик прошёлся вдоль нар и, найдя свободное место, велел Игорю располагаться. Мельниченко быстро снял полусапожки, задвинув их пинком ноги под нижний ярус нар, затем взобрался на свободное место первого яруса, подложил под голову облегчённый чемоданчик и сразу же уснул. Сон был крепок и без сновидений. Вдруг, среди ночи, его потревожил раздражающий шум от шаркающей об пол обуви вновь прибывшего пополнения с отдалённого уголка Сахалина. Он глянул на свои часы, на которые сам честно заработал деньги в родном колхозе, ещё в четырнадцать лет. Бледно бирюзовые стрелки чётко отсвечивали в тени ночника второй час ночи.

Прибывших призывников стали размещать на оставшиеся свободные места, которых явно не хватало. Дежурному офицеру пришлось ходить вдоль нар и будить спящих парней, чтобы те уплотнялись, давая возможность новеньким найти свой ночной приют. Призывники настолько уплотнились, что спать на спине, уже стало совсем невозможно. Более-менее удобной позой, оставалась поза на боку и то, до тех пор, пока такое состояние можно было терпеть. Когда всё стихло, Игорь уснул, но спустя минут тридцать, снова пришлось проснуться. На сей раз нарушителем его покоя стал дежурный по части, прибывший в ночлежку с двумя потерявшимися призывниками. Он остановился у нар, совсем рядышком с Игорем, и начал присматривать место для новичков. Сквозь сон, Игорь слышал какие-то непонятные слова, хотя и так было ясно: майор снова требовал уплотняться. Мельниченко нехотя приподнялся на правый локоть и, спросонья, возмущённо пробормотал себе под нос:

– Ну, куда же ещё уплотняться? И так уже все бока отдавлены. И эти мимолётные, ничего не обязывающие слова, сказанные без всякого злого умысла, стали первой ошибкой для неотёсанного призывника, в самом начале срока его воинской повинности, преподнося первый и последний урок в целесообразности болтать лишнее. Ладно бы юнцы, которые вообще ничего не смыслят в подобных делах, но Мельниченко ведь прошёл четыре года муштры в закрытом полувоенном учебном заведении и так оконфузиться. Услышав странную речь, дежурный сразу подошёл к Игорю и приказал встать, дёргая его за левую штанину.

– Ну-кась, боец, подъём! – рявкнул он ему под самое ухо, дожидаясь, когда Мельниченко спрыгнет на пол. – Говоришь, бока отлежал? Ничего, мы это быстро исправим.

– Да я что, просто к слову пришлось, – оправдывался Игорь, аккуратно сползая на пол.

– Быстренько обувайся, и пойдём со мной! – никак не унимался майор, как и прежде поторапливая призывника. – Надать, умник отыскался!

Нашупав в темноте свои полусапожки, Мельниченко обулся и последовал за майором в прохладу весенней ночи. Немного пропетляв среди немногих пустынно-спящих зданий, они вышли к небольшому пустырю. В нос резко ворвался тяжёлый спёртый запах, отдалённо напомнивший запах тухлых яиц. Прямо по носу нерадивого призывника находилось светлое прямоугольное здание, очень незначительного размера. Оно было вытянутое вдоль кирпичного забора, возле которого бледно мигал на одинокой железобетонной опоре люминесцентный светильник. Майор остановился у входа в узенький проём здания, к которому с одной стороны примыкало несколько отдельных кабинок, точно рассчитанных на одного индивидуума.

– Алё, боец! – резко окликнул он Игоря, продолжая короткий инструктаж. – Видишь, в углу стоит смётка и совок? А мы находимся, как ты уже понял, в общественном сортире, в котором надо навести идеальный порядок. С обратной стороны сортира, стоят мусорные контейнеры. Так, вот: бумажки и окурки – туда, а остальное – веничком и водичкой, понял?!

– Так точно, товарищ майор! – серьёзно, по всей форме ответил Игорь и сразу начал привыкать к незатейливому инструменту в виде веника.

– Когда всё закончишь, положишь прапорщику на КПП. Я думаю, это будет для тебя хорошей разминкой, – никак не унимался майор, поражённый дерзостью призывника. – А то, парадокс какой-то получается. Бока, видите ли, он отлежал. Если нет вопросов, тогда полный вперед, выполняй приказание!

– Есть, товарищ майор!

– Что? Вопросы есть!? – совсем возмущился майор.

– Никак нет! Есть выполнять приказание! – чётко отчеканил Мельниченко заученные ещё в мореходке военные фразы, не раз встречающиеся в книгах да, режущие слух, из экранов телевизоров и кинотеатров. Игорю такие выражения даже, как-то по-своему нравились, они как-то особенно дисциплинировали. Он сразу заметил отражение поощрительного блеска в глазах, довольного собой майора, явно с другого ракурса смотревшего на своего подопечного. Убедившись, что призывник принялся за работу, дежурный оставил его в одиночестве и

удалился в сторону КПП, медленно растворяясь в темноте ночи, а призывник Мельниченко с замусоленным веником в руках, вместо беспокойного сна, остался одиноко убирать совсем не престижное для данного мероприятия место. «Ну и влип, – подумал в замешательстве Игорь. – Надо же было взболтнуть такую глупость? И кто меня за язык дёрнул? Теперь пару часов придётся здесь околачиваться. Оказывается, служба для некоторых отдельных индивидуумов, начинается с засоренного галлона. Да, хорошее начало – ничего не скажешь». На таком лирическом отступлении, его мысли прервались, и призывник начал производить приборку вверенного ему объекта, непременно стараясь как можно быстрее закончить это грязное дело. Усердно работая веником, он пытался отвлечься от всего мирского. От всего того, что осталось по другую сторону высокого забора. Но это было не так-то просто. Ему не надо было сильно напрягать память, чтобы вспомнить ту прекрасную ночь, подаренную накануне призыва прелестной невеличканкой Любашей. «А, как же Лариса? В Одессе сейчас вечер. Не без того, что пошла на танцы. Танцует, небось, с каким-то курсантиком или студентиком, развлекается. Уже восемь месяцев, как мы расстались. А, есть ли, вообще, на самом деле, эта любовь? Может у нас была просто влюблённость?» – Так мысленно рассуждал Мельниченко, увлечённый ночной внеурочной приборкой. Он продолжал рассуждать, а сам уже сомневался в своих чувствах к Ларисе. Настоящие ли они? Ведь, за время разлуки он и сам имел мимолётные, ничего не обязывающие встречи, с женщинами. С Ларисой было, конечно, совсем другое дело. С ней они встречались, почти целый год. За это время успели узнать друг друга и полюбить. Они даже считали себя: «без пяти минут» мужем и женой. Ведь они тогда на что-то надеялись. Что же теперь? Как и что будет дальше? Настолько ли сильна любовь, чтобы Лариса ждала его такое долгое время? Сколько успело накопиться вопросов – и нет на них прямых и правильных ответов. Точные ответы на вопросы, тревожившие юную голову призывника, сможет дать только само время. Только время сможет всё исправить, направить, подправить и определить в этой, бегущей в неизведанную даль, жизни. Теперь он до боли в сердце презирал себя, за такое коварное предательство по отношению к Ларисе. Он искренне верил в её верность и серьёзно переживал за свой тяжкий непредсказуемый грех, так внезапно взвалившийся свинцовым бременем на его юную, запутавшуюся в житейских передрыгах, душу.

Благодаря работе и нахлынувшим размышлениям о смысле жизни – время, потраченное на приборку, пролетело очень быстро и, спустя каких-то сорок минут, уборка туалета была закончена. Так, по крайней мере, показалось неотёсанному призывнику. Поэтому, Мельниченко направился на КПП и доложил о проделанной работе бодрствующему прапорщику Панкратову, который усердно делал какие-то внушения щеголеватому одетому призывнику. Призывник молча стоял у двери в ладно сидевшем на нём, совсем ещё не старом, хотя и основательно потёртом, джинсовом костюме фирмы «Lee». Паршина на КПП уже не было. Он мог быть в свободной смене и уже отдыхал в ночлежке, решил Игорь, ожидая заключительного вердикта от дежурного по КПП.

– А, это ты, поэт? – съязвил прапорщик, направляя на Игоря ленивый взгляд, словно до этого его не видел. – Ну, докладывай: что там у тебя?

– Товарищ прапорщик, призывник Мельниченко задание дежурного по части выполнил, разрешите идти отдыхать? – ещё раз, но уже по всей форме доложил Игорь.

– То-то, а чтоб неповадно было, сделаешь ещё одно упражнение, но уже коллективное: со шваброй, водой и товарищем по несчастью. Ха-ха-ха. Так сказать: устройте в клозете водные процедуры, – заулыбался в ехидной улыбке Панкратов и громко позвал солдата в форме «рядового», который заканчивал влажную приборку помещения КПП. – Трошкин, раскудри твою через коромысло, я к кому обращаюсь?

– Виноват, товарищ прапорщик! Увлёкся! – резко откликнулся рядовой, обращая вопрошительный взгляд в сторону Панкратова.

– Так-то оно лучше, – прапорщик сделал небольшую паузу, сверля своим пронзительным взглядом дезорганизованного Трошкина. – Значится так, Трошкин! Слушай приказ: первое – передать призывникам швабру и ведро; второе – показать бойцам, где набрать воду и мухой назад! – Он ещё раз сделал паузу, явно над чем-то размышляя, приподнялся на носочки, до блеска надраенных сапог, потянулся во весь рост и сказал: – А вам, братья по несчастью, получить у рядового Трошкина инвентарь и произвести в туалете типа «сортир» обыкновенную влажную уборку, да так, чтобы комар носа не подточил! Лично проверю! Вопросы?! – выждав паузу, он продолжил: – А ежели вопросов нет, то вам открыт зелёный свет, верно, поэт?! То-то же! А теперь, раз вопросов нет, дуйте выполнять приказание!

– Есть! – дружно ответили призывники, и пошли вслед за Трошкиным, прихватив з собой переданный им во временное пользование инвентарь.

Прибыв к месту приборки, «братья по несчастью» сразу принялись за дело. Мельниченко, считавший себя более умудрённым жизненным опытом и имевший кое-какую подготовку, в плане приборок, за время учёбы в мореходке, сразу взял инициативу в свои руки.

– Браток, тебя как звать? – спросил он у своего напарника, окуная большой кусок мешковины в содержимое десятилитрового ведра.

– Витьком, – спокойно ответил парень. – Это же я тогда, на тумбочке прикорнул, когда ты с прапорщиком зашёл.

– Ясно, – утвердительно покачал головой Игорь, наматывая на швабру, пахнущую хлорным раствором мешковину.

– Я, как поменялся в два часа ночи, так этот «кусок» и начал гонять меня по всяким уборкам, – продолжил изливать душу Витёк, пытаясь вызвать у напарника волну сострадания к своей персоне. – Я сначала убрал все помещения дежурного по части, потом умывальник с обратной стороны казармы, хотя он и чистый был, теперь вот, с тобой попал.

– Ладно, не скули. Мы с тобой сейчас мигом справимся, Витёк. Ты только не раскисай, – попытлся подбодрить своего напарника Игорь. Он усердно работал шваброй и продолжал начатый разговор: – Меня звать Игорь Мельниченко, я из Невельска призывался, а родом сам из Украины, из-под Одессы, – уточнил Мельниченко, подмигивая Витьку.

– А я из Холмска, – сказал Витёк и, после небольшой паузы, глядя на то, как напарник справляется со шваброй, предложил: – Давай дальше уже я прошвабрю, ты же почти половину прошёл.

– Ты, Витёк, сейчас лучше сбегай по водичку, а я до конца домою, затем солью этой грязной водой, потом смою чистой, после чего просушим выжатой ветошью и будет всё чики-пуки, – изрёк Мельниченко умную мысль, тут же превращая её в дело. Взяв пустое ведро, Витёк мигом смотался за чистой порцией воды и через пару минут вернулся с наполненным ведром, а ещё через несколько минут, приборка была завершена и горе товарищи отправились к прапорщику на доклад. Прапорщик в это время сладко кимарил, склонившись над столиком в помещении дежурного по КПП, подложив под свою массивную голову внушительных размеров «аэродром» форменной фуражки. Сидящий на деревянном топчане Трошкин, приложил к губам палец, предупреждая призывников общепринятым в народе сигналом. Сам же тихонечко прошептал:

– Прапор сказал его не беспокоить, так что можете идти отдыхать.

– Так, ведь, он грозился лично всё проверить, – так же тихо прошептал Игорь, заговорчески подмигивая Трошкину.

– Он всегда так говорит, чтобы поднять трудовой дух, – уточнил Трошкин, не поднимаясь из топчана.

– Тогда мы пошли, ага? – ещё раз прошептал Игорь, пытаясь поставить жирную точку в этом неблагоприятном деле.

– Идите, я скажу, что вас отпустил, не беспокойтесь, – успокоил рядовой сознательных призывников и, не задерживаясь более ни секунды, они быстрым шагом устремились в сторону ночлежки.

Серело. Сквозь мглу апрельской ночи стремительно наступало серебристо-туманное утро. Лёгкую пелену предутренней дымки, рассеивали ленивыми проблесками угасающие блики далёких созвездий. Серпастый месяц, так отчётливо видневшийся на вечернем небе, давно спрятался за линией западного горизонта, высунув свои серебристые рожки где-то над украинскими степями или белорусским Полесьем. Мельниченко взглянул на часы и ужаснулся, стрелки его «Командирских» показывали ровно половину пятого. До пробудки оставалось ровно полтора часа, а спать хотелось до невозможности. Войдя в помещение «ночлежки», парни бросились искать свои вещи, приблизительно ориентируясь по запомнившимся предметам. Отыскав свой чемоданчик, Игорь выдернул его из-под головы спящего незнакомца, и они с Витьком стали усердно выискивать местечко для достойного временного катапультирования в царство сна. Свободные места оказались только на втором ярусе и, втиснувшись среди утомлённых сном юношей, они тут же провалились в судорожную дрему.

Ровно в семь часов утра призывников потревожил звонкий протяжный звук электрического звонка, и писклявый голосок новоиспечённого дневального прокукарекал, словно молоденький неприглядный петушок:

– Призывники, па-а-а-адъём!

Засверкав серыми лысынами, в хаосе и суете, призывники стали лениво спрыгивать со своих тёплых мест. Вяло протирая глазницы, они пытались разобраться в происходящей возне, сонно созерцая, появившийся в дверном проёме силуэт прапорщика, который, ещё не успев ступить в помещение «ночлежки», взорвался осатанелым гневом, словно водородная бомба:

– Команда была «подъём»! Кому ещё не понятно!? Всем раздеться по пояс и выходить строиться на физзарядку! И, живо, живо, что не ясно!? Гражданка кончилась – началась служба! Почему тянемся!? Я сказал: быстро в строй!

Услышав командные крики грозного прапорщика, Игорь с Витьком, как ошпаренные, повыпрыгивали с нар и, раздевшись по пояс, быстро выбежали во двор. «Пробудку произвели ровно в семь утра, – сверяясь с часами, подумал Мельниченко, – как в мореходке». А на дворе уже светало. Воздух, наполненный сыростью и прохладой, быстро приводил в чувство всю братию сознательных и несознательных призывников. Над остывшей за ночь землёй, стелился лёгкий молочный туман, рассеиваясь после первых лучей солнца. Оказавшись на воздухе, тело призывников враз покрылось мелкими мурашками, а будущие воины вяло потягивались после сна и глубоко зевали, встречая рождение нового дня. Кто-то из самых прибуравших попытался закурить, но тут же был прихвачен прапорщиком Панкратовым и занесён в список штрафников.

– Отставить курение! В колонну по два становись! – громко прокричал прапорщик, поднимая вверх правую руку. Призывники сразу начали кучковаться вслед за прапорщиком и неспешно занимали места в строю, пытаясь соблюдать ранжир. Когда колонна стала похожей на нормальный строй, прапорщик передал командование, подоспевшему сержанту с повязкой «Пом. Деж. по части» и быстро ретировался в лёгкую дымку тумана, а сержант сразу принял бразды правления в свои руки, командуя во всю свою сержантскую глотку:

– Слушай мою команду! За мной! Бе-гом! Арш! Повинуясь новому начальнику, колонна лёгкой трусцой тронулась вслед за бежавшем впереди сержантом. Пробежавшись, минут десять по асфальтированным дорожкам, растянувшаяся колонна свернула на спортивную площадку, находившуюся за длинным одноэтажным зданием бледно оранжевого цвета. Остановившись по центру спортивной площадки, сержант перестроил призывников в две шеренги. Растянувшись на расстояние вытянутой руки, призывники стали неумело повторять за сержантом сложные физические упражнения. По всему плацу громко слышались отражённые эхом

команды: «Раз-два, три-четыре; раз-два, три-четыре», а сержант показывал всё новые и новые упражнения, изредка покрикивая на нерадивых призванных:

– Алё, военные, ну-ка не сачковать! Делает, как я! Раз-два, и раз-два, три-четыре! Выше ножку, глубже вдох и плавный выдох! После ряда сложных упражнений, сержант предоставил призванным возможность заняться вольными упражнениями на спортивных снарядах. Толпа сразу кинулась врассыпную: кто куда? Волей судьбы Мельниченко, Паршин и Сухарчук вместе собрались у перекладины, радостно приветствуя друг друга. Ребята беседовали и не расхолаживались, продолжая по очереди делать упражнения на перекладине. Недремлющее око сержанта тут же вычисляло сачковавших призванных, которые сразу наказывались дополнительными упражнениями в виде отжиманий на руках. Закончив физзарядку, сержант снова построил призванных в колонну по два и, проделав в обратном порядке тот же путь, доставил своих подопечных в расположение «ночлежки», распустивши всех для принятия водных процедур. Призванные мигом разбежались в разные концы помещения и, прихвативши свои туалетные принадлежности, сразу направлялись в умывальню. Умывальня находилась в смежном помещении, но чтобы пройти туда, надо было выйти во двор и пройти в торец здания. В умывальной было чисто и просторно, но места для всех явно не хватало. Сам умывальник представлял собой одну сплошную двух дюймовую трубу, покрашенную в яркий зелёный цвет. В трубе находилась только холодная вода, подававшаяся отдельными вентиляционными кранами с персональными эмалированными раковинами под каждым краном. Находясь в длинной очереди к умывальнику, Игорь наконец-то встретился с глазу на глаз со своими однокурсниками в непринуждённой обстановке. Он сразу поделился с товарищами новостями о своих злоключениях. Паршин и Сухарчук вкратце изложили опоздавшему другу, царившую на сборном пункте обстановку, используя личный опыт прожитого дня. Закончив с умыванием, призванные привели себя в порядок и поспешили на объявленное сержантом построение. На построении «Пом. Деж. по части» произвёл утреннюю перекличку и приказал всем взять с собой предписанные повесткой столовые приборы. Проверив их наличие у каждого призванного и, убедившись в полном порядке, он тут же выстроил призванных в колонну по четыре, и строй направился в столовую. Длинное бледно-оранжевое здание, находившееся рядом со спортивной площадкой, как раз и было столовой. Чистый и просторный зал столовой был объёмным и хорошо освещён естественным дневным светом, поступающим туда сквозь огромные светлые окна. Они, чем-то напоминали витражи ГУМов и ЦУМов, а находились прямо со стороны спортивной площадки. В самом зале размещалось несколько десятков длинных деревянных столов с такими же длинными деревянными скамейками вдоль них. На столах ждали своей участи глубокие металлические тарелки, выставленные стопками на краях столов. Зная своё дело, сержант рассадил призванных за столами, приказав запомнить всем свои места. Назначив от каждого стола по два заготовщика, он тут же произвёл для них короткий инструктаж и заготовщики сразу же приступили к этим нехитрым временным общественным обязанностям. Призванные за столами размещались по десять человек и два заготовщика, выделенные от каждого стола, полностью обеспечивали накрытие стола всем необходимым, заранее предусмотренным начпродом части. Когда на столах появились хлеб и каша, сержант дал команду заготовщикам всё разделить по порциям на десятерых, после чего разрешил приступить к трапезе. Для безусых юнцов, только оторвавшихся от маминой юбки, такой завтрак, состоявший из пустой ячневой каши, прозванной призванными «кирзухой», пары кусочков хлеба, кружки чая с парой кусочков сахара-рафинада, конечно же, был скудноват. Но Игорь со своими однокурсниками уже познали цену казённой пищи и такой завтрак их не очень удивил. Но надо отдать должное сержанту, который не стал отводить на завтрак какое-то определённое время, что отводится для военных принявших присягу, и призванные спокойно доедали завтрак. Дождавшись, когда призванные закончили завтрак, он громко скомандовал:

– Закончить приём пищи! Всем встать! Начиная справа от первого стола, строго по одному, на выход, бе-е-гом, марш! Сразу после завтрака был десятиминутный перекур, после чего строем убыли к зданию медчасти, где предстояло снова пройти медкомиссию. Там сразу выяснилось, что все анализы и флюорографию уже оформили, согласно результатам последнего медосмотра, что находились в деле каждого призывника. Заранее зная организацию осмотра, сержант разбил всех призывников на группки по пять человек, строго придерживаясь алфавита, и произвёл небольшой инструктаж в произвольной форме. Первые пять человек направлялись в кабинет стоматолога, вторые пять человек – в кабинет ухо-горло-носа или ЛОРа, третья пятёрка оказалась в очереди к окулисту, а четвёртая – к невропатологу. Пока первая двадцатка ушла на медкомиссию, остальных повели в клуб части на лекцию об империа-

листических целях блока НАТО.

Комиссию проходили быстро и организованно. Когда пришла очередь пятёрке, в которой числился Мельниченко – медицинский конвейер заработал в свою полную силу, находясь в апогее своей деятельности. Первым кабинетом для пятёрки стал кабинет ЛОРа. Там было два врача. Один врач осматривал призывников с помощью прибора, а второй проверял слух. Он отправлял по одному юноше в дальний угол кабинета, заставлял поочерёдно закрывать одно ухо, затем средним голосом называл слова и цифры, а призывник их повторял, доказывая, таким образом, качество своего слуха. Осмотр у стоматолога и невропатолога оказался чисто символическим, эти специалисты просто переписывали результаты последней комиссии, задавая один и тот же вопрос: «Жалобы есть? – и сами же отвечали на молчание призывника, – жалоб нет. Свободен. Следующий, пожалуйста!» Хотя помимо всего прочего, невропатолог интересовался вопросом специального учёта в стационаре, невзирая на записи в личном деле, где чёрным по белому давно всё было написано. Окулист тоже не стал себя утруждать, он чисто символически показывал призывникам по две буквы на каждый глаз по офтальмологической таблице Сивцева, делал свои записи и отправлял дальше. А дальше его коллега проверял осязание цветовой гаммы. Он листал брошюрку с полчищами скоплений цветных точек, создаваемых, какую-то определённую фигуру или цифру, на фоне точек другого цвета и просил назвать увиденное изображение, делая пометки и соответствующие оргвыводы, с фиксацией записи в медицинской карточке личного дела призывника. Осмотр проходил быстро и без проблем. Игорь снова обратил внимание на то, что все врачи продолжали делать в карточке одну и ту же надпись «годен ПЛ». «Неужели подводные лодки?» – подумал он, явно не горя желанием провести три года на субмарине, как на дизельной, так и на атомной. Он ещё на гражданке наслушался всяких баек о службе подводников: об их быте, о специфике, о последствиях в плане физического здоровья – всё это и сказалось на его желании относительно службы. «Так вот, как Белик решил со мной расквитаться» – мелькнула подозрительная мысль в сознании обиженного призывника. Долго над этим вопросом ему не пришлось размышлять, так как при-

близилось время обеда. Как говорится в известной пословице: «Война, войной, а обед по расписанию», вот и в реальной жизни всё сходится. Обед был как для призывников, так и для врачей. Как обедали врачи и где? Об этом история умалчивает. А призывники, наполнили свои желудки каким-то склизким супом на перловой крупе да гороховым пюре с непонятной подливой. Отполировав всё съеденное клейким густым киселём с запахом, отпугивающим и без того не возбудившийся аппетит, они были предоставлены в распоряжение курилки, на целый тридцати минутный перекур. Призывники, кто был из местных, и уходил из дому, придерживав в своих вещмешках и чемоданах весомые «тормозки» с питательной домашней снедью, подобранные заботливой материнской рукой, стали формироваться по землячествам, уединяясь отдельными группками в укромные места, где утрамбовывали свои растянутые желудки, последними мамиными пирожками и другими домашними деликатесами. Вдруг, в одной из уединившихся компаний произошло что-то ужасное: совсем внезапно для окружающих, как говорится «ни с того, ни с сего» – упал призывник. Длинный и худой призывник, словно шпала, шлёпнулся ничком о землю и стал дёргаться, корчась в невиданных судорогах. Он поджал под себя руки и, не издавая никаких звуков, стал ритмично дёргать обеими ногами, судорожно вздрагивая всем телом, при этом испуская изо рта медленно появляющуюся пену. Вокруг странного субъекта сразу начали собираться зеваки, выдвигая различные гипотезы. Но так, как опыта в таких делах никто из присутствовавших парней не имел, то первым делом решено было, послать за врачом и дежурным по части. Кто-то из самых смелых ребят стал делать бедолаге искусственное дыхание. Однако любая помощь оказалась для него безрезультатной. Какой-то кадровый военный в форме старшины сверхсрочника, предложил накрыть пострадавшего от неизвестной хвори, чем-нибудь тёмным, отождествляя этот припадок с непонятной чёрной болезнью, но и этот трюк ничем не помог. Никакие усилия призывников не давали нужного положительного результата, а врачей всё не было. Тем временем, как выяснилось позже, подоспел земляк пострадавшего. Он мигом кинулся на помощь товарищу, выудивши из потайного места плоскую самодельную флягу. Открыв её, он присел к своему земляку, приподнял одной рукой его голову и влил в рот немного жидкости, находившейся внутри фляги. Лёгкий ветерок сразу разнёс вокруг толпившихся зевак резкий аромат натурального спирта.

– Не дури, Бык! Успокойся! Ща всё будет о'кей, – пытался успокоить кореша прибывший спасатель. Он взглянул на толпу и добавил: – Это Лёха Быков, зёма мой. Крабозаводские мы, из Шикотана. Не бойсь, пацаны, это его кондрашкахватила. Неделю подряд квасили, вот ихватила чертовка б.....я. Не робей, пацаны, ща всё пройдёт.

Когда прибыли дежурный по части и два военврача, всё уже было кончено. Призывник Лёха Быков сидел на скамейке и, глотнув из заветной фляги самостоятельно ещё несколько глотков – выглядел так, словно ничего не случилось. Дежурный сразу начал задавать различные вопросы, выуживая ценных свидетелей, но это для многих уже было не интересно, да и время подходило к окончанию перекура. Как раз прибыл помощник дежурного по части, и тут же из его лужённой сержантской глотки вырвалась незамедлительная команда:

– Отставить перекур! В две шеренги становись! Равняйся! Смирно! Начинаем переключку! Сержант, как и следовало ожидать, произвёл очередную переключку и призывники продолжили проходить медицинскую комиссию в заключительной её фазе. Теперь юноши заходили в один большой кабинет, где за одним длинным столом сидело несколько врачей в белых халатах. В кабинет входили всё теми же пятёрками и поочерёдно продвигались к каждому врачу. Из одежды на призывниках оставались только трусы и носки. Последние не снимались только потому, чтобы не ходить голыми ступнями по прохладному полу. Основной костяк составляли врачи мужчины, кроме терапевта, которой была совсем юная девушка, возможно только после интерновской стажировки. Первой осматривала будущих защитников терапевт. Девушка смущённо осматривала каждого призывника, измеряла давление, спрашивала о жалобах и делала необходимые записи. Рядом находился врач нарколог. Он проверял руки призыв-

ников с внутренней части локтей, проглядывал личные дела, ставил свою подпись в нужных местах и передвигал папки с делами в сторону дермато венеролога. Этот врач, видимо перевидавший на своём веку не одну призывную кампанию, был преклонного возраста и привыкший к различным казусам, бодро командовал:

– Опустить трусы! Открыть головку! Кру-у-гом! Наклонись! Открыть ягодицы! Надеть трусы! Кру-у-гом! Жалобы есть? Он также машинально делал записи, а призывники в это время, покраснев до ушей, то и дело, поглядывали в сторону терапевта, что явно не обращала на их мужские достоинства ни малейшего внимания. Закончив осмотр, дерматолог показывал рукой в сторону хирурга и, глядя на нового клиента, интеллигентно произносил:

– Будьте любезны, сюда, пожалуйста. Когда Мельниченко предстал перед хирургом, тот внимательно осмотрел его и, мило улыбнувшись, пошутил, прочитав у Игоря на груди, ровно вытатуированные на английском языке слова «I love you, Lora»:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.